

Слезы Беслана. Репортаж из города, потерявшего детей.

День открытых дверей

В пятницу бой в школе #1 продолжался до ночи. Школа горела. И уже тушили пожар. Пожарные машины въезжали во двор соседней 6-й школы, заправлялись водой и уезжали обратно. Возле одной машины, прислонившись к дереву, стоял осетин лет тридцати в грязной, местами обгоревшей одежде.

- Вы оттуда? - спросил я.

Он кивнул:

- Мы зашли туда вместе с "Альфой", когда начались взрывы.

"Вы пожарный?" - хотел уточнить я и не стал. Он сам сказал:

- Ну я где-то между пожарным и еще кем-то, не надо спрашивать. Ну давай, зови Анзор меня,- предложил он.- Работа у меня не очень тебе понятная, могут потом претензии предъявить.

В школе летом был ремонт, и одну водопроводную трубу, ведущую в спортзал, даже не заложили кирпичом и цементом. Вокруг нее была довольно большая брешь. Вокруг этой бреши пожарные и работали ломami и кувалдами.

- Долго пробивали стену?

- Нет, быстро пробили. Влазили долго. Но это был еще не сам спортзал, в котором держали детей, а коммерческий такой спортзал, там занимались атлетической гимнастикой, по-моему. Уже был один взрыв в том спортзале, где были люди, и все горело. Вошли, а там горы женщин и мужчин, детей были. Дети все раздеты по пояс. Наступить некуда было, а нам же идти надо. Мы пошли.

Он признался, что как-то странно слышит свой собственный голос.

- Это все я говорю? - с каким-то сомнением спросил он.

- Конечно.

- Непонятно. Вроде слова мои, и со мной все было, а слышу как-то стороны, издалека. Может так быть?

- Конечно,- успокоил я его.

Он и в самом деле успокоился.

- Мы из спортзала нескольких человек вытащили. Я четверых вытягивал. С другой стороны альфовцы кого-то выносили. Люди лежали сгустками такими... В углах взрывной волной очень многих прижало. Или они сами туда бросились. Живых было мало. Надо было же понять, кто живой, а как? Я ошибся два раза. Когда вытащил одну девушку, был второй взрыв. Перед этим нам из окна две девочки кричали, платком махали, одна постарше, другой лет семь, наверное. Над ними "духи" сидели, из подствольников работали по альфовцам. Я девочкам махнул, что сейчас приду, они засмеялись, такие счастливые были! Потом взрыв, и вот больше девочек я не видел вообще. Буду искать их в школе, они же там остались.

Командир пожарного подразделения отдавал команды:

- Все, машины дозаправляем - и в школу! Тушить второй этаж! Идут все! Боевиков убили! Там никого нет! Что, кто-то не хочет идти? Все идут? А чего стоим тогда?!

- Там еще трое на втором этаже засели,- бубнил, казалось, про себя Анзор.- Они его до сих пор защищают. Там был какой-то железный пулеметчик, все удивлялись. И НУРСами его били, и чем только не били, а он все живой был. Сидел в такой промежуток между крышей и вторым этажом... а, ну да, чердак... Он людей из "Альфы", по-моему, снял. Спец какой-то попался, хорошо оборонялся. И из соседнего дома автоматчик спуска не давал. Вот с ними большие проблемы были. Они сейчас внизу лежат. Я видел семерых. Один негр, один араб лежит...

Тут раздались несколько мощных взрывов.

- Ни фиги себе! - удивился Анзор и даже ожил.- Из танков по ним бьют. Видать, серьезные проблемы. А людям работать же надо, пожар вон тушить. Негра два дня назад еще убили, когда они школу брали, его черви поели, он так и лежал. А араба они положили на дверь, забинтовали по своим обычаям, вытащили на солнце - чтобы высох. Мумифицировать, гады, хотели! - вдруг разозлился Анзор.- А один хотел выбежать, впереди себя ребенка лет двенадцати толкал и не успел, нервы сдали, подорвал себя.

- А ребенок?

- Ну тоже, конечно, не выжил. А одного боевика полуживого вытащили, чуть раненного, повели в отдел, и люди его чудом не растерзали, но его отбили и довели до отдела. А кого-то, говорят, не довели. Я согласен, что надо было отбить, он еще пользу должен хоть какую-то принести обществу.

- По машинам! - я услышал команду пожарным.

- Ну ладно, мне пора,- сказал Анзор.- Посмотрим, что там и как.

Я пошел к ДК, где все эти дни работали журналисты. Была половина третьего ночи. Перед домом культуры почти никого к этому времени не осталось. Из палатки, разбитой на траве, вышел сонный парень в рубашке, поверх которой болталась карточка аккредитации, и в трусах и пошел к кустам. Видеоинженер "Первого канала" мотал свои провода. Взрывов больше не было. Еще через час начали возвращаться пожарные машины. Пожарные сказали, что от этажа спортзала ничего не осталось, а второй этаж школы они тушили спокойно: боевиков там и в самом деле больше нет.

Я остановил попутную машину (они в это время останавливались даже по просьбе случайных прохожих). Мы выезжали из Беслана и уже повернули к Владикавказу, когда увидели, что по дороге навстречу нам идет большой кортеж машин. Беззвучно работали мигалки, горели все мыслимые фары. Кортеж довольно медленно прошел, буквально проплыл мимо нас. В нем было не меньше полутора десятка автомобилей. Я удивился: кто это сюда в такое время? Мы развернулись и пристроились в хвост кортежу. Но там, конечно, дураков не было. Одна из милицейских машин отстала и отсекала нас от остальных. Из нее никто не вышел. Из нашей тоже. Постояв, милицейская машина умчалась. Кортеж встал метрах в двухстах, около оперативного штаба. Вокруг мгновенно выстроили оцепление. Нам пришлось все-таки уехать. Потом выяснилось, что в одной из машин был президент России, прилетевший из Москвы в аэропорт Беслан.

Родительский день

Ранним утром на моих глазах вокруг школы выставили оцепление. Дальнее его кольцо проходило у стен ДК. Даже в первые дни захвата заложников и вплоть до штурма оцепление не ставили так далеко от школы. Я попытался обойти оцепление по периметру. Оно было довольно надежным. Осетины не понимали, в чем дело. Они хотели подойти к школе. Там были их дети. В Беслане не осталось, по-моему, ни одной семьи, которой не коснулась эта беда. Они хотели увидеть своих детей. Я понимал: именно поэтому их и не пускают.

- Вы знаете, что там происходит? - спросила меня средних лет женщина и показала рукой в сторону школы.- Там продолжается страшное, иначе они не выставили бы оцепление.

Она и ее соседки по двору не могли найти своих детей, шестилетнюю Мадину Бухаеву, тринадцатилетнего Сосо Бигонашвили и других - всего шестерых.

- Мы везде ходили, в морги, в больницы, досконально проверяли...- устало говорила эта женщина.- Я плакала, подошел солдат из оцепления, спросил, кто у меня погиб, как зовут, а я говорю, что, может, и не погиб. Он и ушел.

- Агунды больше нет, Азы нет,- как-то машинально перечисляла эта женщина,- что они с нами сделали?

В другом месте оцепления ко мне подошла еще одна женщина:

- Вы знаете, что там в подвале происходит? Там боевики с заложниками опять сидят,- негромко сказала она,- Идут переговоры, пока безрезультатные. Они не хотят разговаривать, требований не выдвигают. Там наши дети! Мы их найти не можем, а они же там сидят с ними! Господи, когда же это кончится!

Я пытался ее успокоить и говорил, что нет там никаких боевиков, и заложников не может уже быть, а оцепление выставили просто потому, что там все заминировано. Она жадно слушала. А я ловил себя на том, что верю ей, а не себе.

Я обошел по периметру почти все оцепление. В одном месте мужчины были сильно раздражены происходящим. Анзор Маргиев разыскивал племянницу Эльвиру двенадцати лет.

- Она с матерью стояла в спортзале, когда плита рухнула после взрыва,- рассказывал он.- Мать осталась стоять, а девочку прижало так, что вытащить было нельзя. У матери не получилось. Потолок рушился, она схватила трехлетнего мальчика чужого, ну не чужого, конечно, там чужих не было, и побежала. Вон, видите, отец Эльвиры сидит на скамеечке, второй день он вообще ни с кем не разговаривает, постарел очень. А девочка там лежит. Я место знаю, я ее найду, но нас не пускают туда!

- Как вы с чеченцами и ингушами будете жить теперь? - спросил я.

- Посмотрим,- сказал пожилой осетин,- что с ингушами теперь делать. Нам надо сначала со своими разобраться. Что за люди ремонт в школе делали? Какие ингуши? Почему их пустили ремонт делать? Да еще власти гордились, что сэкономили, недорого с них ингуши эти взяли. А они же арсеналы свои под полами в спортзале запрятали, об этом все знают! Может, за это откат еще получили? Мы все узнаем. У нас свои методы.

Я остановил одного пацана и спросил у него, как пройти поближе к школе. Он показал. На самом деле это было не сложно. Чей-то двор, забор, тропинка... Дверь следующего двора вывела прямо к центральному входу школы #1.

Пять носилок в минуту

Было хорошо видно, что происходит во дворе. Спасатели на носилках выносили из спортзала черные полиэтиленовые мешки и сгружали их на асфальт, туда, где три дня назад должна была начаться школьная линейка. На таких же носилках из спортзала выносили мусор. Мусор складывали налево, мешки - направо. Спасателей было много, и работали они быстро. За минуту они выносили примерно пять носилок с телами. Работали они уже больше часа. Но несколько раз перекуривали.

У входа в школу стояло оцепление из бойцов осетинского ОМОНа. Они не пропускали внутрь никого, кроме следователей прокуратуры и спасателей. Несколько больших милицейских чиновников рычали на них, но те начинали разговаривать с ними по-осетински, и разговор получался коротким. Между собой бойцы говорили на русском.

По их словам, выходило, что первые выстрелы и взрывы действительно застали всех врасплох. У нескольких боевиков созрел было план: заманить на территорию школы нескольких сотрудников МЧС (якобы забрать трупы), убить их, переодеться в их форму и на их машине вырваться из окружения. Но потом те, кто это придумал, поссорились с "идейными", которые хотели умереть в школе не только сами, но и вместе со всеми остальными, и между ними возникла перестрелка. Пули попали в самодельные бомбы, развешенные по залу. Бомбы стали взрываться. Заложники побежали из здания. После этого ситуация стала неконтролируемой.

Между тем в здание школы пропустили наконец посторонних - депутата Госдумы Арсена Фадзаева и его многочисленных помощников (по-моему, добровольных). Потом на красном Mitsubishi Pajero приехал министр образования Андрей Фурсенко. Он вышел где-то через полчаса. Вид у него был такой, что я тогда даже не стал подходить к нему. Но вечером мы поговорили. Он говорил очень сбивчиво:

- Я еще в госпитале потом был, там лежат дети раненые, вы были в госпитале? Мы должны все сделать для них, мы должны хоть что-то... Вы знаете старую притчу про морскую звезду? Ну, там был шторм, и на берег выбросило очень много морских звезд, а один старик ходил и собирал их, его спросили, зачем он это делает, тут же их тысячи, а он ответил, что надо сделать хоть что-то, хоть для одной... Я, может быть, неудачный пример привел. Но как-то хочется объяснить, что мы должны для них очень стараться, для всех, у нас есть центр в "Орленке" реабилитационный, мы становимся профессионалами в этом деле, к сожалению.

Спасатели продолжали выносить тела. Спасатели были одеты по-разному: одни в синюю форму и белые каски, в респираторах, другие - в разноцветные майки, а лица были обмотаны полотенцами. Запах доносился и до нас. Белобрысый солдат-омоновец только что вышел из спортзала, встал в оцепление и рассказывал своим товарищам:

- Там, короче, такой тесак лежит, как сабля! И что они им делали?

Он говорил, что в школе есть места, куда еще вообще не заходили спасатели.

- Нашли гранату только что неразорвавшуюся. Там много гранат таких.

- Ты знаешь, - спросил я его, - что говорят люди за оцеплением? Они думают, их не пускают потому, что в подвале остались какие-то люди.

- Да нет там никого уже часа полтора, - сказал этот парень. - Вынесли всех и упаковали.

Из машины "скорой помощи" вышли два сотрудника МЧС. У одного была перевязана рука, у другого голова. Они прошли за оцепление, а через несколько минут буквально выбежали. За ними гнался их коллега:

- Я вас на койки положу! Вчера без сознания лежал, а сегодня опять пришел! Стойте!

Но больные уже скрылись в соседних гаражах. Я увидел Анзора Маргиева, дядю пропавшей Эльвиры. Он прошел той же дорогой, что и я. До спортзала ему осталось 50 метров. И он хотел их пройти. Я сказал ему, что, наверное, уже поздно, многих вынесли и занесли уже в рефрижераторы - от школы отходил уже второй. Он с тоской посмотрел на рефрижератор:

- А как же мы ее теперь найдем? Вы не знаете, куда идет этот рефрижератор? - обратился он к солдату из оцепления.

- Куда надо, - ответил тот.

Он сказал, похоже, больше, чем мог.

Прокурорский позор

Площадь перед зданием ДК была заполнена журналистами и жителями Беслана. Встреча с властями должна была начаться уже четверть часа назад.

- Вы что, фотографировать нас сюда пришли? - кричали осетины журналистам, которые и в самом деле отчаянно снимали их сверху, с крыльца. - Уберите камеры, разобьем все к чертовой матери! Из-за вас боевики озверели! Зачем вы передавали, что в школе 354 человека?! Их же больше тысячи! Они же заложникам из-за вас сказали, что раз передают, что их 354, то, значит, и будет 354! Уходите отсюда!

- К нам вообще, что ли, никто не придет? - тихо говорила молодая осетинка. - Они в своем уме?

В руках она держала школьную тетрадку, в которую была вложена большая фотография ее десятилетней дочери.

В это время толпа колыхнулась в сторону оцепления. Истошно закричала женщина, потом еще одна.

- Там кого-то раздавили! - охнули рядом со мной.

Подойдя вплотную к оцеплению, люди застыли на месте. На земле сидела, закрыв глаза и обхватив голову руками, пожилая осетинка. Она стонала и раскачивалась из стороны в сторону. Лицо у нее было бледным, просто белым, в крупных каплях пота.

- Три внука у нее в школе погибли, - говорили люди в толпе. - И один без вести пропал. Она ждала, что ей скажут, где он. Но, видно, сил у нее больше не осталось ждать.

Зарыдали еще две женщины, их на руках вынесли из толпы и посадили на деревянные ящики. На крыльце так пока и не появился никто из тех, кого ждали. Люди не уходили, словно надеясь на чудо. За три дня они привыкли ждать чуда на этой площади. И чудо произошло. В половине второго дня на крыльце ДК появился прокурор Северной Осетии Александр Бигулов.

- В настоящее время на территории школы продолжается осмотр места происшествия,- сказал он.- Продолжаются оперативно-розыскные мероприятия.

- Пошел ты! - крикнули ему из толпы.- Там наши дети!

Он сделал вид, что не услышал.

- Вход на территорию школы запрещен. Списки погибших и раненых уточняются. Это все, что в моей компетенции и что я вам могу сказать.

И он пошел с крыльца.

- Негодяй! - кричали ему снизу, но не трогали.

- У меня девочка пропала! - крикнула одна женщина.- Как ее найти? Как нам их всех найти?!

- Приходите ко мне, поговорим,- ответил он через плечо.

- А телефон твой, гад?! - простонала она ему в спину.

Прокурор вышел из толпы, огляделся и озабоченно спросил одного из своих помощников:

- У вас вода есть? Только холодная.

- Холодной, кажется, нет,- упавшим голосом ответил ему помощник.

- Плохо,- покачал головой прокурор.- Стоял там как мудак.

Информация наверх

Я проверенной дорогой вернулся к школе. Там уже работала тяжелая техника. Людей во дворе стало больше. Я увидел, что ко входу идут несколько человек в гражданском и, пристроившись к ним (они не обратили на меня вообще никакого внимания), без труда прошел за ворота.

Экскаватор собирал мусор, вынесенный из спортзала. В самом спортзале было более или менее чисто. Под ногами был сгоревший пол. На стенах, иссеченных осколками, много спортивных лестниц. Обгоревшие баскетбольные корзины, уцелевшие мячи. Зал показался мне очень маленьким, поразительно маленьким. Я не мог понять, как тут могли три дня находиться больше тысячи человек.

Запах был просто нестерпимым. Спасатели спокойно работали, разбирая актовый зал и столовую. Они считали, что там тоже могут быть люди. Во двор опять въехал рефрижератор, и до сих пор лежавшие на асфальте трупы стали загружать в него. Многие черные мешки только казались большими. Спасатели поднимали их как пушинку. В них были трупы детей.

Метрах в сорока за небольшой пристройкой на асфальте, со стороны железной дороги, лежали трупы боевиков. Почти все в мешках. Но два лица были открыты. Одному в рот засунули десятирублевую купюру. Другому засовывать было некуда: полголовы у него было снесено. Спасатели равнодушно проходили мимо трупов, а осетины, в основном прокурорские работники и солдаты из оцепления, плевали на них. А некоторые стояли и смотрели долго и внимательно, словно запоминали.

В какой-то момент прокурорские подвели к трупам двух человек. Один был худой и маленький, в джинсах, на удивление чистых, и футболке; другой высокий, в грязном и рваном спортивном костюме. Лица их были замотаны майками с прорезями для глаз. Милиционеры держали этих людей за руки.

Прокурорские начали опознание. Оба что-то оживленно забормотали, показывая на трупы. Причем делали они это как-то странно, нашептывая свои показания следователям на ухо, словно боялись, что их услышит кто-нибудь еще.

- Дайте их нам! - услышали мы истошный крик из толпы, которая стояла на железнодорожной насыпи за оцеплением. Как-то люди разглядели, что тут происходит. Следователь посмотрел на пленных и отрицательно покачал головой; как мне показалось, с сожалением.

- Дайте нам! - опять крикнули из толпы.

Тогда следователь громко крикнул в ответ:

- Не могу!

Пленных увели.

Метрах в тридцати от входа в спортзал были свалены вещи боевиков. Рядом стояла "Газель" с надписью "Прокуратура России". Из большого обгоревшего рюкзака следователь достал кеды, потом маленькую толстую книжку.

- Так, записывай: брошюра с синей обложкой с надписями на арабском языке... А это что за шарики? - следователь вытащил пакетик с золотистыми шариками. - Экстази какой-нибудь, что ли? Ну ладно, разберемся. Эх, запаслись они, етит твою мать.

Принесли еще носилки, наполненные вещами боевиков, и свалили рядом (как-то успевали же их сортировать). Следователь поглядел на эту гору вещей с тоской. Метрах в десяти от него на травке сидели еще несколько человек. Двоим, правда, на моих глазах принесли стулья.

- Ну давайте считать,- сказал один.- Надо наверх информацию давать. На самый верх.

- Ну а что? На эту минуту все ясно. 224 плюс 18 тех, кого выбросили из окна, они лежат отдельно, плюс 79 вчерашних. Сколько получается? 328? Ну и плюс четыре мешка с фрагментами тел.

- Нет, 321. Но еще плюс в больницах тела лежат. И 28 негодяев этих.

- Нет, негодяев 26. Но их не надо плюсовать. А вот выброшенных не 18, а 21, по-моему.

- Сколько из окна выбросили, срочно уточните! 18? А боевиков вы вместе с их бабами считаете?

- Конечно, вместе.

- Ну вот и все пока. Звоните наверх!

- Так мы же не знаем, сколько в больничных моргах.

- Да это не наше дело. Давай, звони!

Тут к этим людям подошел спасатель и сказал:

- Там еще одного боевика нашли. Идите, заберите его.

Но его уже несли на носилках к остальным его боевым товарищам и сгрузили рядом с ними на асфальт. Вокруг сразу собралась толпа из спасателей и следователей. Я тоже хотел было подойти, но раздумал: очень уж интересным был разговор у людей на траве.

- Говорят, кто-то ушел? - спросил один следователь другого.

- Ушел,- подтвердил тот.- Они черный верх снимали, под ним была гражданская одежда, они в ней и уходили. Но далеко не могли уйти... я надеюсь. Местности не знают.

- Такси могли взять,- сказал другой следователь.

- Такси? - переспросил тот.- С оружием?! Ну да, могли.

- Кто вообще знает, какие у них сообщники и где? Мент, которого они привезли на машине, говорят, на самом деле с ними заодно был, сопровождал их.

Тут они наконец обратили на меня внимание. Мне было пора.

Скорая беспомощность

Вечером на стенах ДК появились наконец списки раненых. Люди напряженно изучали их, перечитывали по много раз, и даже когда стемнело, всматривались в эти листочки. Рядом посадили на всякий случай женщину-врача. Мне казалось, эта женщина, сидевшая на стуле, вот-вот заснет и сползет с него.

- А что, разве можно им чем-нибудь помочь сейчас? - спросил я ее.
- Ну... можно хотя бы загрузить их лекарствами. На некоторое время поможет.
- А потом?
- Потом они все равно придут в себя.

Она закрыла глаза.

- Слушайте,- сказал я,- по-моему, вам тоже нужна помощь.
- Да,- устало согласилась она.- А вам разве не нужна?

Мертвая вода

На следующий день в Беслане были первые похороны. Во второй половине дня я шел по городу, как по кладбищу: казалось, рыдания слышатся из каждого дома.

Очень тихо было в школе. Вчера вход в нее был уже свободным. В центре спортзала на стульях стояли свечи и открытые двухлитровые пластиковые бутылки с минеральной водой, пять бутылок. В нескольких пластиковых стаканчиках тоже была вода. Рядом лежали цветы и стояла мягкая детская игрушка, желтый слоник с поднятым хоботом. Цветы были везде: на подоконниках, в классах, в коридорах. Там же, на подоконниках, было много женских туфель и детских сандалий. Стояла просто мертвая тишина. Люди боялись даже шаркнуть ненароком.

На второй этаж вели две лестницы в разных концах здания. Школа была довольно большая. В классах валялись тетради, книги, учебники, разбитые магнитофоны, пластинки, рефераты. В кабинете русского языка и природоведения на стене висела табличка: "Сигнал тревоги 4 звонка! Немедленный выход к двери, кабинеты 1, 2, 3, 4, 5". Висела "Карта промышленности СССР, 1928-1978 г.". На подоконнике стояли пробитые пулями глобусы. И цветы, и детские игрушки.

В другом кабинете я увидел доску почета. На ней под надписью "Умники и умницы" были десять фотографий школьников и школьниц младших и средних классов. Еще четыре снимка кто-то вытащил. Под доской почета тоже лежала гора цветов. И я понял, что вытащили фотографии тех, кто остался жив.

Пошел дождь, он быстро перешел в ливень, и я подумал, что свечи в спортзале, в котором не было крыши, погаснут. Но люди уже накрыли их зонтами и стояли рядом, держа их над стульями.

Соседний спортзал, коммерческий, про который рассказывал Анзор, оказался совсем маленьким. На полу стояли гири, лежали гантели, валялись поваленные тренажеры. В стене, как и говорил Анзор, была не очень большая брешь. В нее мог протиснуться человек. Стена была широкая, в пять кирпичей.

Рядом был туалет. Из крана лилась вода. Она затопила уже весь пол в душевой. Я мог бы закрыть кран. Но я понимал, что это мог бы сделать и любой на моем месте, если бы хотел. Никто не хотел. Кран открыли по той же причине, по какой поставили на стулья бутылки с минеральной водой.

Автор: АНДРЕЙ Ъ-КОЛЕСНИКОВ © Коммерсантъ ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 6941 07.09.2004, 18:05 📄 324
URL: <https://babr24.com/?ADE=15255> Bytes: 22500 / 22451 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ЗАХВАТ ШКОЛЫ В БЕСЛАНЕ 1 СЕНТЯБРЯ 2004 Г."](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **АНДРЕЙ Ъ-
КОЛЕСНИКОВ.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)